

УДК 159.9.07

Сенкевич Л.В., Базаркина И.Н.

**СПЕЦИФИКА ЛИЧНОСТНЫХ РЕСУРСОВ ПРЕОДОЛЕНИЯ
КРИТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ И НЕНОРМАТИВНЫХ КРИЗИСОВ
У ЛИЦ ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА В РАЗНЫХ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ**

L. Sienkiewich, I. Bazarkina

Moscow City University of Psychology and Education

**THE PECULIARITIES OF THE PERSONAL RESOURCES
NECESSARY FOR OVERCOMING CRITICAL SITUATIONS
AND DEVIANT CRISES BY PEOPLE OF MATURE AGE
IN VARIOUS CULTURAL AND HISTORICAL CONDITIONS**

Аннотация. В статье представлены результаты исследования личностных ресурсов, необходимых для преодоления трудных жизненных ситуаций и ненормативных кризисов, у лиц зрелого возраста в разных культурно-исторических условиях. Авторы подчеркивают, что понятие самореализации (самоактуализации) довольно широко и синтетично, оно включает в себя всестороннее и непрерывное развитие творческого и духовного потенциала человека, максимальную реализацию всех его возможностей, адекватное восприятие окружающих, мира и своего места в нем, богатство эмоциональной сферы и духовной жизни, высокий уровень психического здоровья и нравственности. Выявлена зависимость самопринятия, самоуважения, осмысленности жизни и компонентов жизнестойкости от социокультурных особенностей стран и регионов, в которых проживают респонденты.

Ключевые слова: зрелость, критическая ситуация, ненормативный кризис, экзистенциальный кризис, экзистенциальная исполненность, смысложизненные ориентации личности, самопринятие, самоуважение, жизнестойкость, вовлеченность, контроль, принятие риска, культурно-исторические условия.

Abstract. The article presents the results of the study of the specifics of the personal resources necessary for overcoming difficult life situations and deviant crises by people of mature age in various cultural and historical conditions. The authors emphasize that the concept of self-realization (self-updating) is quite wide and synthetic, it includes comprehensive and continuous development of creative and spiritual potential of a person, the maximum realization of all his abilities, adequate perception of other people, the world and their place in it, richness of their emotional sphere and spiritual life, high level of mental health and morality. The article shows the dependence of self-acceptance, self-respect, ability to reflect upon life and vitality components on the social and cultural features of the countries and regions where the respondents come from.

Key words: maturity, critical situation, deviant crisis, existential crisis, existential execution, purpose orientation of a person, self-acceptance, self-esteem, vitality, involvement, control, risk taking, cultural and historical conditions.

Согласно культурно-исторической концепции развития личности (Л.С. Выготский), психика является продуктом социальных отношений, свойственных определенному историческому этапу развития общества, то есть жизненный путь человека представляет собой процесс формирования и развития личности в определенном социальном пространстве.

Тенденции развития современного общества, связанные с глобализацией, информатизацией, а также трансформацией существующих социокультурных моделей, влекут за собой

сложности адаптации людей к стремительно меняющейся жизни. Особенности самореализации в новой среде требуют от человека большей психологической гибкости, осознания и понимания себя, своего места в мире, нахождения достойных путей и способов существования.

Понятие самореализации (самоактуализации) довольно широко и синтетично, оно включает в себя всестороннее и непрерывное развитие творческого и духовного потенциала человека, максимальную реализацию всех его возможностей, адекватное восприятие окружающих, мира и своего места в нем, богатство эмоциональной сферы и духовной жизни, высокий уровень психического здоровья и нравственности (Е.Е. Вахромов; А. Маслоу; К. Роджерс; Д.А. Леонтьев и др.). Потребность в реализации своих потенциальных возможностей, своего призвания (суть самоактуализации) выходит на первый план в зрелом возрасте, поскольку именно в этот период человек наиболее полно включен в жизнь общества.

Понятие «зрелость» может рассматриваться в психологии как этап и как качество психического развития. В настоящей статье термин «зрелость» используется как синоним понятия «взрослость». Различные авторы в своих работах выделяют неодинаковые границы периода зрелости. Также используются понятия ранней, средней и поздней зрелости, описываются характерные для каждой стадии свойства и особенности. Мы исходим из условного определения границ зрелости (взрослости) в диапазоне от 28 до 50 лет. Период зрелости является наиболее продолжительным этапом онтогенетического развития личности, когда максимально раскрываются возможности человека; внешняя событийность и достижения личности кристаллизуются в стратегии самоопределения и самореализации в последующем. В.А. Ананьев отмечает, что обогащение, развитие личности осуществляется по трем основным каналам: самопознания, самовоспитания, самоосуществления. Именно в зрелом возрасте происходит наиболее полное осоз-

нание себя субъектом жизни, смысла своего существования, жизненных ориентаций, «экзистенциальной исполненности» жизни, как определял это понятие В. Франкл [3]. В процессе осуществления «замысла жизни» сами жизненные планы уточняются, детализируются, изменяются, вызывая подчас смысловые противоречия с реализованными ранее.

Во взрослом возрасте (периоде зрелости) большинство исследователей отмечают три кризисных периода: так называемый кризис «30 лет», кризис «середины жизни» и кризис старости (поздней зрелости). Таким образом, в зрелом возрасте человек проходит несколько сложных этапов в своем развитии, именуемых в психологии кризисными. Кризисные периоды, по мнению большинства исследователей, затрудняют движение и развитие, но при этом открывают новые возможности, побуждают внутренние резервы человека. Некоторые современные психологические концепции личности подчеркивают общевозрастные закономерности в развитии взрослых людей, указывают на нормативность изменений личности в возрастных кризисах (Л.И. Анцыферова, Б.С. Братусь, Д.И. Фельдштейн, Е.Л. Солдатова). Данный подход рассматривает характер кризисов возрастного развития личности взрослого человека как нормативный. Многие авторы полагают, что первый нормативный кризис развития личности взрослого человека происходит в юношеском возрасте и характеризуется отсутствием тождественности образа «Я» во времени; декларируемой, но не реализуемой готовностью действовать и принимать ответственность; неопределенным образом себя в профессии или будущей профессии; идеализацией отношений или конфликтными отношениями с родительской семьей; идеализацией образа собственной семьи. В зрелом возрасте содержание нормативного кризиса качественно иное. Появляются явные признаки неудовлетворенности собой, снижение эмоционального состояния, иногда апатия и депрессия; сомнения в правильности жизненных приоритетов (выбора про-

фессии, супруга, стиля воспитания детей). Учитывая широкий возрастной диапазон обследуемых в представленном в данной статье исследовании, здесь уместно говорить об экзистенциальном (ненормативном) кризисе, так как именно «кризис существования», или «кризис смысла жизни», является поворотным пунктом жизненного пути человека в период зрелости. Экзистенциальный кризис – это своеобразная реакция личности на ситуации, требующие изменения способа бытия, жизненного стиля, образа мышления, отношения к себе, окружающему миру и основным экзистенциальным проблемам. Квалифицирующими критериями экзистенциального кризиса являются: неудовлетворенность собой; неудовлетворенность своим прошлым; неудовлетворенность своим настоящим; отчаяние, страдание и чувство вины; бессмысленность социальных связей; бессмысленность дела, профессии, карьеры; обесценивание человеческой жизни; одиночество; незащищенность; проблемы свободы и ответственности.

Проблема смысла жизни относится к числу междисциплинарных, так как смысл жизни является одним из краеугольных камней философии и теологии, феноменологии, герменевтики, художественной литературы, в которых он анализируется преимущественно с содержательной стороны: в чем состоит смысл жизни, какой смысл жизни можно считать истинным, достойным. В психологической литературе также подчеркивается значимость для человека психологического феномена смысла жизни.

В отечественной психологии понятие «смысл жизни» всесторонне рассматривали в своих работах К.А. Абульханова-Славская, Б.С. Братусь, И.А. Васильев, Ф.Е. Василюк, Л.С. Выготский, Ю.Б. Гиппенрейтер, Б.В. Зейгарник, В.А. Иванников, Д.А. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Е.Б. Старовойтенко, В.Э. Чудновский, Е.В. Эйдман и др. В психологической литературе смысл жизни определяется как осознание человеком направленности своей жизни, выстраивание иерархии ценностей, осознание и стремление к реализации сво-

их возможностей. Однако, как справедливо указывает Д.А. Леонтьев, в сферу интересов психологии личности входит вопрос о том, какое влияние оказывает на жизнедеятельность человека наличие субъективно понимаемого смысла жизни или переживание его отсутствия, а также проблема психологических причин утраты и путей обретения смысла жизни [1].

Очевидно, что своеобразие протекания экзистенциального кризиса как состояния тревоги и психологического дискомфорта, связанного с вопросом о смысле существования, имеет свои возрастные и социокультурные особенности. Реализация смысла жизни зависит от наличия в обществе многих условий, первостепенными из которых являются культурно-исторические традиции, свойственные для того или иного региона, наличие демократических свобод, гуманных целей и соответствующих им средств. Исследователи отмечают также, что в наибольшей степени проявления этого кризиса характерны для стран и культур, где основные потребности общества, связанные с выживанием и безопасностью, уже удовлетворены. Современный человек становится более свободным в вопросах освоения средств, необходимых для существования, у него появляется множество возможностей для самореализации, и, как следствие, появляется неопределенность, рождающая множество психологических проблем.

Как указывает Д.А. Леонтьев, то, что придает жизни смысл, может лежать в будущем – цели (проспекция); в настоящем – чувство полноты и насыщенности жизни (актуализация); в прошлом – удовлетворенность итогами прожитой жизни (ретроспекция). Вместе с тем это вопрос не познания, а признания: человек не изобретает или интеллектуально конструирует смысл своей жизни, а находит его посредством конкретных действий [1].

В современной психологии предпринимаются попытки целостного осмысления личностных характеристик, ответственных за успешную адаптацию человека, совладание с критическими ситуациями и ненормативны-

ми кризисами. В качестве ключевого ресурса преодоления жизненных трудностей большинство исследователей рассматривают жизнестойкость [2]. Это понятие было введено С. Кобейсом и С. Мадди и разрабатывалось на пересечении экзистенциальной психологии и психологии стресса. Для успешного прохождения жизненного этапа, связанного с экзистенциальным кризисом, человеку необходима жизнестойкость как особый паттерн установок и навыков, позволяющих превратить изменившуюся жизненную ситуацию в ситуацию новых возможностей.

Жизнестойкость, как отмечают Д.А. Леонтьев и Е.И. Рассказова, представляет собой развивающуюся систему убеждений, состоящую из трех сравнительно автономных компонентов: вовлеченность, контроль, принятие риска, суммарная выраженность которых способствует созданию собственного, уникального смысла взаимодействия с миром. Причем эти компоненты находятся в синергетическом взаимодействии, когда суммарный эффект превышает сумму эффектов каждого компонента в отдельности [2].

В условиях неизменной трансформации культуры, происходящей в настоящее время в связи с нарастающими темпами глобализации, особую значимость, безусловно, приобретают особенности социально-экономической, политической и культурной жизни, специфические для конкретной страны или региона, которые, в свою очередь, влияют на своеобразие актуализации психологических ресурсов в ситуации экзистенциальных кризисов [5].

В связи с этим нам представляется актуальным изучить особенности личностных ресурсов, необходимых для преодоления различных критических ситуаций и ненормативных кризисов, у представителей различных стран в возрасте от 28 до 50 лет.

Одной из задач представленного в настоящей статье исследования было выявление специфики влияния различных социокультурных особенностей на смысловые ориентации, ощущение экзистенциальной исполненности жизни, самоактуализацию

и компоненты жизнестойкости лиц зрелого возраста, проживающих в разных регионах таких стран, как Россия, Армения и Италия.

В исследовании приняли участие 138 респондентов из различных регионов России (г. Москва (80 человек) и г. Грозный, Чеченская республика (58 человек)), 50 респондентов из Армении (г. Ереван) и 52 респондента из Италии (г. Рим) в возрасте от 28 до 50 лет. Базами исследования выступили: Государственная классическая академия имени Маймонида, Московский городской психолого-педагогический университет (г. Москва, РФ); Чеченский государственный университет, Чеченский государственный педагогический институт (г. Грозный (ЧР, РФ)); Ереванский государственный университет, Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна (г. Ереван, Армения); Папский Грегорианский университет (г. Рим, Италия).

Обследование респондентов проводилось по следующим методикам: Шкала экзистенции (ШЭ) (Авторы А. Лэнгле, К. Орглер, адаптация С.В. Кривцовой), Тест смысловых жизненных ориентаций (СЖО) (адаптированная Д.А. Леонтьевым версия Purpose-in-Life Test (PIL) D. Crumbaugh, L. Maholick), сокращенный вариант Самоактуализационного теста (САТ) (адаптированной Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозманом, М.В. Загика, М.В. Крозом версии Personal Orientation Inventory (POI) Э. Шострома), Тест жизнестойкости (автор С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой).

Математическая обработка полученных данных осуществлялась при помощи статистического пакета SPSS 17.0; для выявления различий в исследуемых параметрах между четырьмя обследуемыми выборками применялся критерий Крускала-Уоллиса.

Проведенное при помощи перечисленных выше методик исследование личностных особенностей испытуемых из московской, чеченской, армянской и итальянской выборок показало следующее.

По шкале экзистенции, показывающей субъективную оценку респондентами того,

насколько осмысленно они живут, соответствуют ли личностной сущности их решения и поступки, мы обнаружили наибольшую выраженность этого показателя у респондентов из итальянской выборки. У респондентов-москвичей рассматриваемый показатель несколько ниже, но значимо не отличается от уровня субъективной экзистенциальной исполненности итальянцев. У респондентов из чеченской выборки уровень субъективной экзистенции имеет более низкие среднегрупповые показатели по сравнению с другими выборками. В то же время значимых различий между чеченской и армянской выборками нами обнаружено не было. То есть можно говорить о том, что субъективное ощущение того, насколько конструктивно человек может обходиться со своими проблемами, быть самим собой, несмотря на особенности своей психодинамики и жизненные обстоятельства, у итальянцев и русских (абсолютное большинство опрошенных респондентов г. Москвы считают себя этническими русскими) выражен значимо сильнее, чем у чеченцев и армян ($p \leq 0,05$). В этом тесте речь идет, в первую очередь, о субъективном восприятии способностей личности, которые в известной степени зависят от прошлого опыта и от того, насколько трудна его актуальная жизненная ситуация, но зафиксированные различия, по нашему мнению, могут объясняться и тем, что уровень жизни в Москве и Риме существенно выше уровня жизни населения Еревана и Грозного. Конечно, наполненность и осмысленность жизни напрямую не зависят от материального положения, но стоит отметить, что вопросы экзистенциального характера в большей степени актуализируются после удовлетворения основных, витальных потребностей. Мы также можем предположить, что исторически сложившиеся традиции и особенности культуры народов Чечни и Армении предполагают большую значимость и влияние родовых и семейных отношений на восприятие респондентами собственной жизни. В семьях народов Кавказа и Закавказья, к которым как раз и относятся респонденты из чеченской и

армянской выборок, принимавших участие в нашем исследовании, культивируется уважение и почитание старших, значимость семейных и родовых отношений [4]. Реализуя свои жизненные планы, даже уже взрослые люди зачастую соотносят свои решения и поступки с мнением более старших и уважаемых членов рода. Респонденты из Москвы и Рима, будучи столичными жителями с выраженной ориентацией на европейский образ жизни, безусловно, более демократичны во взаимоотношениях, в том числе со старшим поколением, и, следовательно, могут быть более свободными в оценке своего жизненного пути.

Результаты, полученные с помощью теста СЖО, позволяющего оценить субъективное понимание личностью смысла жизни через выраженность совокупности факторов (наличие целей в жизни, эмоциональная насыщенность жизни, удовлетворенность самореализацией, оценка своих жизненных сил и способности влиять на происходящие события), содержательно дополняют данные исследования по методике ШЭ, описанной выше. У респондентов из чеченской выборки показатель выраженности смысловых ориентаций несколько ниже по сравнению с респондентами других регионов (различия зафиксированы на уровне тенденции). В то же время следует отметить, что в целом исследуемые параметры у респондентов-чеченцев имеют средненормативную для данного теста выраженность. Показатели смысловых ориентаций испытуемых из другого региона России – г. Москвы, а также у респондентов из Армении и Италии несколько выше среднего и значимо не отличаются друг от друга. Такие результаты оценки респондентами своей жизни объясняются, по нашему мнению, прежде всего, тем, что опрошенные нами респонденты находятся в активной с точки зрения деятельности возрастной фазе, все они имеют работу и живут в крупных столичных городах. Здесь следует отметить также, что обозначенные выше культурно-исторические различия, характерные для респондентов из разных регио-

нов, также оказывают влияние на исследуемые показатели.

Структурные особенности теста САТ (сокращенный вариант) позволяют использовать независимые друг от друга шкалы для исследования большого числа показателей, не увеличивая объем теста. Исходя из целей и задач нашего исследования, мы использовали шкалы самопринятия, самоуважения и шкалу представлений о природе человека.

Шкала «самопринятие» показывает степень принятия человеком себя таким, какой он есть, вне зависимости от оценки своих достоинств и недостатков. Самые высокие показатели по данной шкале выявлены у респондентов-москвичей, самые низкие – в чеченской выборке. Зафиксированные различия значимы ($p \leq 0,05$), однако, между выраженностью этого показателя у респондентов из других регионов статистически значимой разницы не выявлено. Это говорит о том, что взрослые русские более лояльны по отношению к себе по сравнению с представителями чеченского народа. Отчасти это связано с большей значимостью для чеченцев традиционно принятых норм и правил поведения при взаимодействии с другими людьми, накладывающих определенные ограничения на самовосприятие. Поведение чеченцев во всех областях жизнедеятельности основывается на множестве стереотипов. Эти стереотипы базируются на строгом соблюдении национальных традиций и обычаев. Для чеченского народа (особенно представителей, живущих в своей традиционной культурной среде) приверженность традициям носит гипертрофированный характер, что объясняется особенностями их воспитания с раннего детства [4]. Но в то же время высокие показатели по шкале самопринятия у москвичей могут объясняться и специфическими особенностями Москвы как мегаполиса, где постоянное действие стрессовых факторов способствует тому, что люди становятся менее требовательными к себе, склонными к тому, чтобы больше себя жалеть.

По шкале «самоуважение», показывающей способность субъекта ценить свои

достоинства, положительные свойства характера, уважать себя за них, наибольший результат также зафиксирован в московской выборке. Обе шкалы – самопринятия и самоуважения – являются дополняющими друг друга и представляют собой блок самовосприятия, характеризующий отношение респондентов к себе, но, хотя в целом показатели теста представляют собой субъективную оценку респондентами себя, первая из названных шкал показывает в известном смысле степень «любви» к себе, тогда как вторая – степень «уважения», т. е. претендует на большую объективность при взгляде на себя, предлагая человеку как бы взглянуть на себя «со стороны». В целом по данной шкале в ответах респондентов из разных регионов сохранены те же тенденции, что и в показателях по первой шкале, но стоит отметить, что разница между выраженностью рассматриваемого показателя в московской и чеченской выборках меньше, чем разница в показателе самопринятия, и статистически незначима. Мы объясняем это тем, что «взгляд со стороны», который отличает шкалы самопринятия и самоуважения в данной методике, имплицитно предполагает возможность взгляда со стороны «значимого другого», в роли которого может выступать семья, род или социум в более широком смысле. И следование традиционно принятым нормам поведения и взаимодействия в обществе, вероятно, в большей степени влияет на уровень самоуважения, чем на уровень самопринятия.

Высокие баллы по шкале «представления о природе человека» свидетельствуют о склонности субъекта воспринимать природу человека в целом как положительную («люди в массе своей скорее добры») и не считать дихотомии мужественности – женственности, рациональности – эмоциональности и т. д. антагонистическими и непреодолимыми. Большая выраженность по данному показателю зафиксирована нами в итальянской выборке, меньшая выраженность этого показателя свойственна москвичам. В чеченской и армянской выборках эти показатели практически равны и значимо не отличаются от

показателей респондентов-москвичей, а вот разница представлений о природе человека между опрошенными московского региона и Италии статистически значима. Мы полагаем, это связано с тем, что давно существующие в Италии европейские культурно-исторические традиции, со свойственным им либерализмом, демократией и свободой личности, прочно укоренились в сознании людей многих поколений, а респонденты территорий постсоветского пространства (опрошенные нами жители городов Москвы, Грозного и Еревана родились и воспитывались в советское время) сами находятся как бы внутри культурной дихотомии между традициями бывшего СССР и прогрессивными тенденциями Запада. Границу культур особенно трудно провести в регионах этнического разнообразия, в частности в России, чьи граждане могут осознавать себя частью как восточного, так и западного мира, в зависимости от национальной или религиозной принадлежности.

Рассмотрим результаты исследования показателя жизнестойкости у опрошенных респондентов. Безусловно, для сохранения здоровья, активности и некоего экзистенциального равновесия в условиях трудных жизненных ситуаций и кризисов необходима выраженность всех трех компонентов жизнестойкости [2]. Можно говорить как об индивидуальных различиях каждого из трех компонентов в составе жизнестойкости, так и о необходимости их согласованности между собой и с общей (суммарной) мерой жизнестойкости.

Суммарный показатель жизнестойкости в большей степени среди всех опрошенных выражен у итальянцев, меньшее значение этот комплексный показатель имеет у респондентов из Чечни.

Теперь обратимся к анализу выраженности компонентов жизнестойкости в московской, чеченской, армянской и итальянской выборках.

Такой личностный ресурс, как вовлеченность, показывающий убежденность респондентов в том, что мир великодушен, что их

максимальное участие в происходящем приносит им удовлетворение жизненно важных потребностей, в наибольшей степени выражен у респондентов из итальянской выборки (различия достоверны при $p \leq 0,05$). Показатели вовлеченности в других выборках значимо не различаются. С одной стороны, это может объясняться тем, что жители Италии, благодаря сравнительно высокому уровню жизни в Риме, а также наиболее выраженному по сравнению с другими исследуемыми нами регионами социальному благополучию страны в целом, чувствуют себя более защищенными, чем жители других регионов, где проводилось исследование. С другой стороны, исследуемый нами возрастной диапазон достаточно широк, и средний возраст респондентов-итальянцев несколько ниже средних возрастов испытуемых из других регионов, а людям в более молодом возрасте, как нам кажется, в большей степени свойственна вовлеченность в происходящее как готовность к поиску нового и интересного в жизни.

В итальянской выборке мы также обнаружили значимые положительные корреляции вовлеченности как личностного ресурса с показателем субъективной экзистенции (ШЭ) и высокой выраженностью по шкале представлений о природе человека (САТ) (был применен коэффициент корреляции Пирсона ($p \leq 0,05$)). То есть удовольствие от деятельности, ощущение себя «внутри» жизни позволяют итальянцам позитивно относиться к людям, принимать их такими, какие они есть, переживать осмысленность и полноту жизни. Все аспекты смысла жизни в целом связаны с креативностью, развитием себя и с сохранением собственной индивидуальности, активными социальными контактами.

Также мы выявили значимую корреляционную связь ($p \leq 0,05$) вовлеченности с общим показателем СЖО у респондентов во всех четырех выборках, то есть можно говорить о том, что эмоциональная насыщенность жизни и ощущения самореализации напрямую зависят от вовлеченности в деятельность и поиска чего-то стоящего и интересного для себя.

Контроль как личностный ресурс представляет собой убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, даже если это не дает гарантии на успех [2]. Люди с сильно выраженным компонентом контроля ощущают, что сами распоряжаются своей жизнью, выбирают свой путь. Следовательно, можно предполагать, что в обществах, где имеет место социокультурная ориентация на традиционность (восточный тип цивилизации), со свойствами ей представлениями о несвободе (предопределенности действий) человека, данный показатель будет ниже, чем в культурах с установками на автономию личности (западная цивилизация). Что и подтвердило проведенное нами исследование: у респондентов – жителей Чеченской Республики, традиционно в большей степени уважающих и зависящих от решений представителей старшего поколения, – данный ресурс выражен слабее. Мы также выявили у респондентов из Чечни значимую положительную корреляцию «контроля» с показателем смысловых ориентаций ($p \leq 0,05$), т. е. эмоциональная насыщенность жизни, оценка своих сил, удовлетворенность самореализацией прямо зависят от возможности и готовности влиять на происходящие в жизни события. У итальянцев значение рассматриваемого показателя выше, чем в трех других выборках.

В итальянской выборке ощущение респондентами возможности влиять на свою жизнь (контроль как личностный ресурс) прямо значимо соотносится с высокими показателями по шкале представлений о природе человека (САТ) ($p \leq 0,05$), что говорит о доброжелательности и лояльности итальянцев, когда они могут чувствовать себя уверенными, решительными и быть «на высоте».

Компонент «принятие риска» показывает убежденность человека в том, что получаемый им опыт – неважно, позитивный или негативный – способствует его развитию за счет извлекаемых из этого опыта знаний [2]. Человек, рассматривающий жизнь как способ приобретения опыта, готов действовать даже

при отсутствии надежных гарантий успеха, считая стремление к простому комфорту и безопасности обедняющим жизнь личности. Данный компонент в нашем исследовании сильнее выражен у мужчин и женщин из итальянской выборки. Трудным ситуациям в своей жизни итальянцы придают смысл личностного становления, рассматривают их как ресурс для самосовершенствования и самореализации. Самый низкий показатель принятия риска зафиксирован нами у респондентов из чеченской республики (различия значимы при $p \leq 0,05$).

В целом стоит отметить, что у всех четырех выборок в нашем исследовании компонент «принятие риска» имеет низкую выраженность по сравнению с другими компонентами жизнестойкости. Вероятно, это связано с тем, что данный компонент отражает готовность к неудаче, а в зрелом возрасте человек уже приобретает необходимый опыт и готов реализовать свой жизненный потенциал, может добиться наибольших успехов. Развитие личности зрелого человека требует избавления от неоправданного максимализма, характерного для юности и частично молодости, взвешенности и многогранности подхода к жизненным проблемам. Этой активной жизненной фазе свойственно проявление чувства ответственности за себя и заботы о значимых других, поэтому готовность действовать на свой страх и риск без гарантии успеха заметно снижается. Особенно это проявляется, как видно из результатов представленного исследования, у представителей Чечни. С детства чеченцы сориентированы на значимость социальной роли мужчины, отца, брата, их с малых лет приучают заботиться о сестрах, даже старших, о младших братьях, родителях и других, более старших членах семьи [4]. Рассматриваемый нами возрастной период (от 28 до 50 лет) – это как раз возраст, когда «социальная нагрузка», связанная с заботой о значимом окружении, становится максимальной. Учитывая названные социокультурные особенности чеченского народа и специфику актуальной политической и экономической ситуации в

регионе, логично предположить, что их готовность к принятию риска, противонаправленная стремлению к простому комфорту и безопасности, будет минимальной.

Приведенные в настоящей статье результаты исследования выявили зависимость самовосприятия, экзистенциальной наполненности жизни и компонентов жизнестойкости от социокультурных особенностей стран и регионов, в которых люди проживают. Это позволяет говорить и о влиянии культурно-исторических традиций на особенности самореализации личности в зрелости, а также на специфику прохождения экзистенциаль-

ных кризисов людьми разных национальностей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Леонтьев Д. А. Психология смысла. – М., 2003. – 487 с.
2. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. – М., 2006. – 63 с.
3. Сенкевич Л.В. Психология экзистенциальных кризисов: Учебно-методич. пособие. – Тула, 2012. – 148 с.
4. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990. – 368 с.
5. Эфендиев Ф.С. Этнокультура и национальное самосознание. – Нальчик, 1999. – 304 с.